

ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ЗАБВЕНИЯ

Женщина и призрак смотрели на брошенный город, неудержимо поглощаемый пустыней. Высокий холм, где они стояли, служил некогда вертолётной площадкой, с которой последний борт поднялся лет пятнадцать назад. Раскинувшаяся перед ними долина напоминала скорее не жилой объект, а археологический комплекс. Началось всё когда-то с серии землетрясений, затем ветер и пыль доделали остальное. Часть улиц просела, разрушенные здания основательно замело песком. Кое-где виднелись следы пожаров.

Женщина стянула с лица маску-респиратор и сказала:

– Вот всё, что осталось от нашего мира.

Призрак вздохнул и посмотрел на неё, подумав, как же рано она состарилась. Седые пряди под капюшоном пыльного комбеза. Морщины у глаз, иссушенная ветрами кожа, худоба, наметившаяся сутулость. Всё это понятно. Минимум медицины. Плохое, даже очень плохое в последнее время, питание. О косметике вообще разговора нет. Они были ровесниками, обоим чуть за сорок, но её годы осели на плечах тяжёлой ношей борьбы за выживание. И тем не менее... В ней сохранилось немало женственности. Голос, взгляд, улыбка остались прежними. И грация движений, и ловкость маленьких пальчиков, скрытых сейчас облегающими перчатками... Так же, как в юности, ему хотелось обнять её, но, как и тогда, он, будучи призраком, не мог это сделать.

– Ветер перед закатом меняется, тучи отходят, – сказала она. – В те времена, когда море ещё не стало болотом, это называлось, кажется, бризом. Смотри, сейчас выйдет солнце.

Расступившиеся тучи обнажили на западе полоску молочно-голубого неба, на которую выкатился ослепительный шар солнца, залил долину сочным оранжевым светом. В косых его лучах среди вытянувшихся теней городских кварталов зажглось множество искр. Из-за наполненного пылью воздуха создавалась иллюзия, что искры дрожат, то вспыхивая, то притухая. А может, это была не иллюзия...

– Кристалцвет – последнее украшение нашего... кладбища.

– Многие... выбрали этот путь?

– Да. Люди устали бороться. Надежды нет.

– Неужели такая картина везде?

– Ну... На севере существует несколько подземных городов, туда переселилась элита. В горах, где монастырь, есть родники, но туго с продуктами. На фермах по периметру зоны болот, наоборот, проблема с чистой водой. Идти некуда. Централизованной власти нет, запасы подходят к концу. Наш вид обречён на вымирание. Шанс на реинкарнацию, который даёт кристалцвет, – это хотя бы что-то.

Она закашлялась и вновь натянула маску. Несколько минут оба молчали, любясь мириадами искр, разбросанных по пространству города, каждая из которых была душой его жителя. Действительно, кладбище. Он помнил город другим. Без блёсток кристалцвета, пустынный, но всё ещё обитаемый. Помнил анфилады дворов с манящей прохладой и жар бетонных крыш, где небо становилось ближе. Помнил игры в прятки на площадках с сохнувшим бельём, бестолковую беготню по гулким лестницам и даже запах жареных лепёшек в палатках на гранитном бульваре. Он оторвался от детских воспоминаний и обнаружил, что его спутница смотрит на него.

– Тебя не было очень долго, Ил. Почему? – спросила она глухо, через маску.

– Так вышло, Эурика. Я забыл дорогу...

Илья Толевин никак не мог принять решение. Вот уже несколько дней он, вернувшись с работы и поужинав, запускал в браузере закладку популярного литературного портала и раз за разом перечитывал страничку с условиями конкурса. Тикали старые часы на стене, остывал в кружке чай, сменялись треки в проигрывателе. Илья раздумывал. Он не считал себя писателем. Даже начинающим не считал. Экспериментировал в юности. Пару рассказов просочилось в местную периодику, но на этом и всё. Попытка написать роман провалилась ещё на начальном этапе. По полной раскритиковали его мэтры на одном крупном сетевом ресурсе, где он выложил свои «нетленки». Добили и обсмеяли читатели. На какое-то время Илья забросил сочинительство, затем всё-таки написал кое-что «для себя», «в стол» и в итоге замолк окончательно.

Замолк, потому что ему перестали являться его сны.

Сны – заезженная тема для литературы и кинематографа. Соответственно, зачитанная и засмотренная. Но и вечная. Людям снятся сны. Иногда странные. Иногда невероятные. Или невероятно реальные.

Бывает, что сновидения повторяются, и длится это годами.

Первый раз мир Сергана привиделся одиннадцатилетнему Ильюшке Толевиному, когда грипп загнал его в постель на целую неделю. Случилось это на исходе февраля. Холодные ветра, завывая, неумолимо швыряли в окна крупинки мелкого снега, а столбик термометра даже днём не поднимался выше минус семи. Другой термометр показывал нехорошие тридцать восемь и шесть. Мама хлопотала с парацетамолом и укусами обтирками. Большую часть времени Илья лежал, прикрыв глаза. Страдал и вслушивался в бормотание телевизора за стеной. Иногда он проваливался в вязкую дрёму, где карусель скомканных мыслеобразов уносила его куда-то далеко.

В одно из таких погружений его и вынесло в пустынный город, который Илья по детской наивности окрестил «сказочным». Конечно, сказочного в нём, по здравому, взрослому разумению, было мало. Разве что архитектура, совершенно не похожая на привычные коробчатые формы советских микрорайонов. Одиннадцатилетний Ильюшка не знал слов мудрёнее, чем мансарда, да и взрослый Илья без интернет-подсказки мог легко перепутать акведук с виадуком, но и без заумных терминов из лексикона архитекторов было ясно – этот город не может принадлежать знакомому миру.

Илья бродил широкими улицами, по которым проносились редкие обтекаемые машины и автобусы, поднимался по пологим пандусам на платформы экзотического монорельса. Любовался вычурными зданиями, связанными между собой гибкими переходами. Заходил в сумрачные двory, мощённые необычными пятиугольными плитами. Во дворах царили гнетущая пустота и сонная тишина. Здесь ему становилось неуютно. На улицах людей было мало – Илья видел их издали и ни с кем не встретился лицом к лицу. Во дворах же не наблюдалось вообще ни единой души. Лишь птицы – маленькие, жёлто-серые, размером с воробья – носились где-то на уровне крыш. Атмосфера пустоты и тишины порождала в душе ощущение лёгкой тревоги и тайны. Но почему-то именно в блужданиях по лабиринтам дворов виделась какая-то цель.

И цель проявилась в лице хрупкой худенькой девочки, сидящей на скамье под изогнутым ветвистым деревом и читающей книгу в потрёпанном голубом переплёте. Илья долго не решался подойти и заговорить с ней. Ему даже стало казаться потом, что

знакомство их произошло уже в другом сне, но сны в тот период болезни так походили друг на друга, что невозможно было с уверенностью сказать: несколько их привиделось или один, разбитый на эпизоды. Так или иначе, девочка заметила робеющего Ильюшку и заговорила первой:

– Привет, призрак, – обыденно сказала она. – Хватит прятаться, выходи.

– Я не прячусь, – тихо, себе под нос, проговорил Илья и подошёл к девочке.

Теперь она смотрела на него снизу вверх, немного щурясь.

– Знаешь, лучше садись. Ведь ты никуда не торопишься?

Илья отрицательно покачал головой и попытался присесть на краешек скамьи, однако его пятая точка провалилась сквозь сиденье, и он, комично всплеснув руками, шлёпнулся на землю. Девочка звонко рассмеялась:

– Ты забыл, что ты призрак, да?

Он действительно оказался призраком. Примерно таким, как показывали в мистических фильмах – полупрозрачная, тусклая, чуть светящаяся фигура. И как в кино, он мог проходить сквозь небольшие предметы вроде мебели или уличного фонаря. Однако толстые стены, мосты и лестницы почему-то удерживали его. Эту нелогичность он списал на сон...

– Как тебя зовут, призрак?

– Илья, – назвался он, присаживаясь на корточки перед девчонкой. – А тебя?

– Эурика.

– Что читаешь?

– Про корабли и морские путешествия. Ты когда-нибудь видел море, Ил? Можно, я буду тебя так называть?

– Ну, да, – смущённо ответил мальчишка сразу на оба вопроса и пояснил: – Мы каждое лето ездим с родителями на море.

– Ой, расскажи, а? – загорелись глаза Эурики. – Ты, наверное, живёшь далеко-далеко?

Так они и познакомились...

Моря Сергана начали мелеть лет пятьсот назад, когда технологии едва приблизились к использованию паровых машин. До этого по части парусников, пиратов, морских экспедиций и прочих приключений их мир был похож на наш. Затем, однако, рифы и мели стали серьёзно мешать мореплаванию, и, наконец, двести лет назад эпоха фрегатов и дредноутов окончательно подошла к концу. Какое-то время существовали лодки-амфибии, перемещавшиеся уже благодаря энергии двигателей внутреннего сгорания, но учёные назвали этот короткий период агонией мореходства. Красивые корабли и отважные моряки остались лишь в книжках.

Интерес Эурики к истории мореплавания заразил и Илью. Он попросил родителей подарить ему «Морскую энциклопедию» – две увесистые тёмно-синие книги. Просьба была исполнена к двенадцатому дню рождения, и на какое-то время морская стихия и всё с ней связанное стали культом для обычного школьника и его подружки из снов.

– Помнишь, как ты рассказывал мне про корабли?

– Конечно.

– Вот так, вслед за кораблями исчезнем и мы. И никто не будет знать, кто мы были и как прошли свой путь.

– Ну а память кристалцвета?

– Мне кажется, это миф. Те, кто подарил нам кристаллцвет, просто любители красивых легенд. Реально же никому во всей вселенной нет дела до нас. Включая Бога.

Илья вздрогнул, вспоминая их последний разговор, и отчаянно замотал головой. Нет, не должен мир Эурики кануть в пустоту и забвение. Нужно сохранить память. Хотя бы строчками на бумаге, которые прочтут люди. Стоит постараться. Это его доля, в этом сейчас смысл и цель жизни. И нужно донести эту историю до максимального количества людей, никак иначе. Ведь можно напечататься за свой счёт, но кто прочтёт тонкую книжонку неизвестного автора? Другое дело раскрученный литературный бренд. Именно поэтому Илья полез в Сеть искать популярный конкурс, победитель которого попадал в один из лучших сборников фантастики в стране. Для этого он собирался сидеть вечерами и ночами за монитором. А что ещё он мог сделать для мира из снов, существующего только в его голове?

«Морская энциклопедия» лежала на столе. На ней пристроились потрёпанные тетрадки — дневники, заметки, стихи, первые наброски. Артефакты собственного прошлого. Его персональная связь с Серганом и Эурикой. Илья ещё раз прикоснулся к разложенным вещам, затем убрал всё на край. Снял очки, потёр глаза, снова надел очки. И придвинул к себе клавиатуру. На прямоугольнике экрана полились первые слова.

«Мы стояли на холме и смотрели на брошенный город...»

Начало пошло на удивление легко. За неделю он набрал двадцать тысяч знаков, описывая знакомство с девочкой из снов, возникшую между ними дружбу и первую любовь, зародившуюся на фоне скатывающегося в бездну мира. Затем споткнулся. Споткнулся на этапе, отражающем период помрачения в реальной жизни. Те события были одновременно постыдными и очень искренними. Двадцатилетний Илья предпринял попытку проникнуть в Серган с помощью наркотиков.

Он связался с парочкой психов, повёрнутых на Кастанеде, Ошо и Монро, уверявших, что знают толк в эзотерических практиках и имеют опыт внетелесных путешествий. Втроём они отправились в Крым, в известные этим «гуру» места силы. Побывали на мысе Меганом, облазили Карадаг. Сопровождалось всё это приёмом самых разных средств для расширения сознания. Под занавес остановились на Мангупе, и там помутнение сознания Ильи достигло апогея. Ему стало казаться, что ещё немного – и он сможет воссоединиться с Эурикой, или вытащив её к себе из Сергана, или провалившись туда во плоти. Кроме этого его не интересовало ничего. В своём желании он сходил с ума и удалялся всё дальше от цитадели логики и разума.

Он любил её. Это были одновременно и самые чистые чувства, и страсть с привкусом безумия, когда не помогают никакие здравые доводы и аргументы. В его жизни было это, и это было частью его жизни. На каком-то этапе губительных для здоровья экспериментов Серган почудился на расстоянии вытянутой руки. Илья даже почувствовал наяву запах чужого мира. Ему начало мерещиться, что погибающая родина Эурики невероятно близка, что ещё чуть-чуть – и босыми ногами он ощутит твёрдую, ссохшуюся землю, ещё немного – и руки обнимут хрупкую фигурку любимой, чтобы никогда уже не выпускать... Счастье манило, дразнило и... убивало.

Третья ночь в одной из мангупских пещер могла оказаться для него последней. По всему выходило, что он пережил клиническую смерть. По счастью, на плато находилась

стоянка археологов и добрые люди помогли ему не откинуть копыта. Потом была больница, приезд родителей, период реабилитации уже в родном городе...

Илья до тошноты не любил вспоминать то лето. Но для книги он перешагнул через себя и по словечку, по строчке, делая над собой невероятное усилие, провёл героя по краю пропасти. По ту сторону этой бездны была жизнь и абсолютное понимание того, что мир Эурики нематериален и недоступен.

Жить нужно было дальше. Хотя желание жить отсутствовало напрочь.

– Знаешь, я пишу книгу. Художественную книгу. Про Серган и про нас. Понимаешь, я должен был... Раз уж я ничем не могу помочь, так хоть рассказать про всё. Чтобы люди узнали, как можно больше людей. Сначала я не верил в свои силы, думал, что не смогу, но готово уже три четверти, представляешь? И... вот ведь штука... когда я погрузился в воспоминания, я снова нашёл дорогу к тебе...

– Я всегда рада тебя видеть, Ил, мой милый призрак... У меня скучная жизнь. Метеорология не востребована, я осталась без работы. Монастырь иногда выходит на связь, спрашивает о приближении бурь, вот и всё.

– Расскажи мне больше о кристалцвете. Это для книги. Как его открыли? И по какому принципу он сохраняет слепок памяти и характера человека?

– Кристалцвет... – медленно протянула Эурика, чуть скривив губы в усмешке, – наш новый бог...

Она прошлась по комнате, открыла ящик шкафа и вынула серый мешочек, содержимое которого тут же оказалось небрежно рассыпанным на столе. Несколько мелких прозрачных кристаллов неправильной формы и один крупный, размером с орех, тёмный, словно налитый изнутри гранатовым соком.

– Это семена, – пояснила женщина, указав на прозрачную мелочь, – а это, – она коснулась «орешка», – готовый продукт. Знакомься, Аекарт, мой учитель и наставник.

Илья ошарашенно смотрел на вызревший плод кристалцвета, вместивший в себя личность человека по имени Аекарт.

– Он как-то воспринимает происходящее?

– Нет. Он спит.

– Откуда ты знаешь?

– В контейнере, где хранились семена кристалцвета, было устройство... В нём лежал один «плод» сличностью нашего далёкого предка... кажется, его звали Уемун. Устройство запустили, и оно разбудило сознание Уемуна. Он и рассказал, в чём предназначение кристалцвета.

– Этот товарищ, стало быть, водил дружбу с пришельцами?

– Да. Он был их проводником. Только вот Уемун не успел больше ничего рассказать: в устройстве разрядилась батарея. Она там особенная, инопланетная, зарядить её так и не смогли.

– Как удобно. Попахивает обманом, тебе не кажется?

Эурика пожала плечами:

– Это транслировали в прямом эфире на весь Серган.

– Ну да. Инопланетный артефакт, дарующий долгий сон и возрождение в новом счастливом мире. Очень удобно для правительства.

– И так тоже думали, но... У вас есть выражение про тонущего, ты говорил...

- Соломинка для утопающего.
- Именно. Кристалцвет – это наша «соломинка».
- Противоядие от забвения.
- Что?
- Я так назвал свою книгу. Забвение – это яд, а кристалцвет... ну, ты понимаешь...

Шорт-лист, состоящий из двадцати рассказов, Илья получил спустя три недели после окончания конкурса. Нашёл в списке себя, удовлетворительно хмыкнул и отметил сей факт праздничной стограммовой дозой коньяка. Однако радость очень быстро улетучилась, когда пришло время изучить содержимое списка: по правилам конкурса требовалось в обязательном порядке ознакомиться с работами конкурентов. На это ушло несколько вечеров. Закончив чтение последнего сочинения, Илья принялся ходить взад-вперёд по комнате. Настроение было скверным. По всему выходило, большая часть рассказов и повестей написана если не профессионалами, то весьма даровитыми авторами, по уровню мастерства значительно превышающими литературные таланты Ильи. Некоторые работы уступали в плане техники, но выезжали за счёт ярких свежих идей. Вдоволь имелось оригинальных миров, качественно продуманных и прорисованных. Было видно, что авторы делают из своих вселенных культ, всячески холят их и лелеют. Ну и чем же Серган отличается от них? От стимпанковского мира, окутанного сетью железных дорог? От островной империи, где борьбу за власть ведут кланы четырёх стихий? От планеты летающих городов-левиафанов? От постапокалиптической Гренландии, освободившейся ото льда? Чем?! Тем, что Серган является ему во снах? А почему он уверен, что у других авторов не так?

В центре ночного посёлка беженцев, окружив колодец с питьевой водой, стояли две большие шестиколёсные машины военного образца и нечто напоминающее магистральный автобус, только на шинах низкого давления. Двое в потрёпанных комбинезонах техперсонала набирали в канистры воду. Четверо бойцов в полной экипировке и при оружии наблюдали за этим процессом, а также контролировали погрузку нескольких местных штатских, навьюченных котомками. Происходящее освещали два ярких прожектора, закреплённые на одной из машин.

Эурика спокойно взирала на суету у колодца сквозь маленькое окно своей комнатухи.

– Что там происходит? – спросил Илья.

– Охотники за головами набирают жильцов в свой подземный город. – Эурика устало задёрнула плотную выцветшую штору, отсекая яркую белизну прожекторов и оставляя внутри лишь жёлтый свет настольной лампы да мягкое лиловое сияние, производимое призраком.

– А почему ты не там?

– Думаешь, они берут всех желающих? Им нужны крепкие молодые парни для работы в тоннелях и юные девчонки, способные рожать.

– Но ты же не старая... – начал Илья.

– Я старая, – возразила Эурика, – и после перенесённого альфа-вируса больше не смогу иметь детей. А кроме того, они сканируют кандидатов на наличие кристалцвета...

Илья резко повернулся и уставился на Эурику со смесью негодования и бессилия.

– Ты... его...

– Да. – Эурика спокойно кивнула. – Даже если не верить, что когда-нибудь наши души возродятся, он помогает уйти смиренно и... благородно.

Хотелось злиться и кричать, но Илья закрыл глаза и замолчал, заставляя себя сдержаться. Затем негромко спросил:

– Как это работает?

– Есть много вариантов, но в нашей глуши доступны только самые... простые.

– То есть самые варварские...

Эурика пожала плечами.

– В этом как раз и есть феномен кристалцвета: можно совершить слияние посредством мудрёного голографического томоскопа, а можно просто проглотить семечку.

– Ты поступила именно так?

– Да.

– Давно?

– Не очень.

– И сколько у тебя времени?

– Не знаю. Месяц. Может, меньше...

У Ильи перехватило дыхание.

– Сколько?! Но, Эурика, как же так?! Почему ты сдаёшься?!

Она молча показала на воспалённые лимфатические узлы на шее. Илья ошарашенно сглотнул слюну.

– Это...

– Название тебе ничего не скажет. Просто поверь – так лучше.

Они молчали. Эурика смиренно и непоколебимо. Илья – обречённо, подавленный последним известием. За окном раздавались торопливые голоса, затем взревели моторы и караван двинулся в путь. В щели под шторой сверкнули фары, после поплыли густые клубы пыли. Эурика встала и включила очистную вентиляцию. Быстро покинув посёлок, машины растворились в ночи. Вскоре шуршание кулера оказалось единственным звуком, нарушающим тишину, а маленькая лампа на столе – единственным источником света. Лиловое сияние, заполнявшее комнатушку, бесследно исчезло: призрак ушёл.

На конвент Илья ехал в смешанных чувствах. Нет, история вышла добротная, насколько он сам мог судить. Будь на месте Ильи какой-нибудь молодой пацан, просто выплеснувший такое из головы и попавший в одну обойму с состоявшимися писателями, пацан этот прыгал бы сейчас от счастья. Но Илья, разменявший пятый десяток и не имеющий самоцелью покорить литературный олимп, хотел лишь почтить память угасающего Сергана и исполнить данное Эурике обещание. Да, это было глупо, это пахивало безумием. Но не большим, чем рыцарские подвиги во славу прекрасной дамы или дуэль в защиту чести. Исполнение последней воли усопшего «развеять прах над океаном» тоже из этой серии. Нелогичное действие, но выполнить его – человеческий долг близких. Так и тут... Илья представил, как будет смотреться на первой странице посвящение Эурике, и тотчас ощутил укол совести: ведь он говорил про целую книгу. По факту же, урезанная до 70 тысяч знаков по указанию организаторов, в лучшем случае выходила повесть. И в книге она будет не одна. Но пусть хоть так...

В весёлую тусовку писателей и фэнов Илья Толевин вписался плохо. Опять же, будь ему двадцать пять, он чувствовал бы себя тут отлично. С упоением внимать речам мэтров, пить коньяк с литературной братией, заигрывать с милой компашкой девчонок-фэнов... Отличное времяпрепровождение! Сейчас же, просто чтобы не выглядеть белой вороной, он примкнул к группке начинающих писателей, в которой не имелось дефицита в болтунах и заводилах, ушёл в тень и просуществовал так вплоть до семинара, где его сочинение порвали в пух и прах.

Увы, щадить здесь было не принято. Уже на этапе обсуждения коллеги по мастер-классу прошлись по его работе, делая замечания и задавая каверзные вопросы. Затем в дело вступили «гуру», и образ книги с собственной фамилией на обложке померк окончательно. Глава жюри, круглолицый столичный писака с тонкой ниточкой усов и солидной плешью, вывел на экран нетбука свою шпаргалку и, скорчив ехидную гримасу, взял слово:

– В повести нашего конкурсанта описан мир, который настигла катастрофа. Особо не расписываются причины и истоки данной катастрофы, но из текста ясно, что выражены они в изменении климата и появлении ряда болезней, снизивших уровень рождаемости практически до нуля. Беда нарастала постепенно и к моменту описываемых действий достигла, можно сказать, финальной стадии. Людей на земле осталось совсем мало, города пустуют, жизнь теплится или в подземных убежищах, или вблизи сохранившихся сельскохозяйственных плантаций. О первопричинах беды узнать из повести не удаётся. Видимо, автор просто не изобрёл ничего интересного, а жаль. Если бы истоки крылись в непродуманной человеческой деятельности, это придало бы рассказу социальную окраску. Экологические проблемы при должной обработке могут зацепить читателя. Ну да ладно.

Перейдём к герою, умеющему путешествовать сознанием из нашего мира в другой. Герой этот, увы, картонка с непрорисованным характером. Его поступки сумбурны и бессмысленны. Ну, кроме момента агонии, когда он ищет способ материального перемещения в другой мир. Там терзания героя показаны неплохо и его образ ненадолго оживает. Но и всё. Дальше – трясина. Ничуть не лучше обстоят дела и с героиней. Как по мне, стоило сделать её активным борцом за спасение погибающего человечества, но увы. Её удел – вести ненужные метеорологические наблюдения, ностальгировать и стареть. Читателю такие герои неинтересны, дорогой автор.

Сюжет. А сюжета, я вам скажу, как такового и нет. Герой скачет туда-сюда, видит крушение того мира, деградацию жителей вообще и своей подруги-возлюбленной в частности, но ничего не может сделать, ибо он в том мире призрак. Как я понял, с той стороны его видят как классическое полупрозрачное привидение, что весьма банально и скучно. Можно было придумать что-то поинтереснее.

Единственная находка, или, другими словами, выдумка автора, – это кристаллцвет. Некое растение на основе кристалла. Занятна история появления его в том мире. Предвидя скорый закат цивилизации, учёные отправили в направлении ближайших звёздных систем клич о помощи. Тут я, кстати, посоветовал бы автору «звёздные системы» вычеркнуть к чёртовой матери, заменив просто космосом, так как расстояние, к примеру, от Земли до ближайшей звезды 4,2 световых года. Учёные мужи, отправившие такое послание обычным радиоволновым способом, до ответа просто не доживут. Ну да ладно. От инопланетян приходит весточка, содержащая местные координаты. По координатам этим находят контейнер с зёрнами кристаллцвета. Маленький штрих – ещё столетие назад на месте

раскопок плескалось море, но нынче оно превратилось в болото и, собственно, это облегчило участь экспедиции, которая загадочный контейнер извлекала. Данная часть истории освещена слабо, хотя акцент на космических спасителях придал бы повествованию ярких красок. Но эта ниточка повисает в воздухе. Непонятно, то ли инопланетные друзья рванули на помощь соседям, но, боясь не успеть покрыть громадное межзвёздное расстояние, открыли жителям тайну кристалцвета, который они когда-то у них же и спрятали. То ли «зелёные человечки» и не собирались прилетать, только бросили людям подобие спасательного круга. Может, это какая-то хитрая уловка и вовсе космические соседи не добрые. Эти вопросы нужно было обозначить для читателя, дать ему возможность порассуждать при чтении. Ничего не сказано и о ранних посещениях пришельцами погибающего мира. Когда и зачем они оставили сей артефакт на дне тогда ещё моря? Ответов на эти и другие аналогичные вопросы автор не даёт. Полагаю, ответов автор и не знает. Это не есть хорошо. Озвучу прописную истину: автору всегда полагается знать немного больше читателя. Но вернёмся к самому кристалцвету. Что делает эта, с позволения сказать, сущность? Она якобы сохраняет в структурах своего плода слепок личности человека, включая память о прожитом. И потом этот плод, эту, так скажем, «флешку» можно поместить в... ну, допустим, клона или биоробота. И тот, по сути, превратится в человека, чей образ сидит в матрице. У меня вопрос: а это действительно так? Ну, да, вместе с зёрнами серганцы нашли семечку с личностью какого-то предка, и тот им про всё рассказал. Отлично! Все поверили и записались в очередь на эвтаназию. Реинкарнация без доказательств? Замечательно!

И, наконец, финал. Открытый финал, что называется. Посетив исчезающий мир в последний раз, уже после того, как заболевшая героиня пала в объятья кристалцвета, герой обнаруживает, что, по-прежнему оставаясь призраком, он тем не менее может прикоснуться к созревшему семени-кристаллу. Узнав это, герой забирает с собой образ любимой женщины в наш мир. Опустим вопрос, что он собирается делать с ним тут, при полном отсутствии технологий оживления, спишем на чувства, сентиментальность. Но автор ещё и не даёт читателю ответ на вопрос, перенеслась ли таки семечка в наш мир. Автор бросает нас в тот миг, когда взволнованный герой банально лезет в карман, где что-то лежит. Занавес!

На банкет Илья не остался. Едва имена тройки победителей стали достоянием гласности, собрал вещички и, сославшись на неотложные дела, отправился на вокзал. Там он долго пил кофе с коньяком в привокзальном кафе, затем в вагоне заполз на обозначенную билетом верхнюю полку, и лишь там под мелодичный перестук колёс летящего в ночи поезда в голове родился ответ вершителям литературных судеб.

Оправдательная речь, не произнесённая вслух, звучала так:

«Почему кто-то пишет? Откуда берутся наши фантастические и не очень истории? У кого-то есть идея, Идея с большой буквы, по его мнению. Кто-то собирает сюжеты как головоломку... или детский конструктор. А у кого-то всё начинается с яркой фантазии, из которой вырастает целый мир. Данный мир автор обживает, пестует, туда поселяет свою проекцию, как правило улучшенную копию себя. Примеров множество – бесчисленные королевства меча и магии, «попаданцы» в разные эпохи или СССР образца 21-го века – всё это те самые миры. И кто знает, сколько из них обрели рождение «на кончике пера», а сколько нашли своих хозяев сами, как нашёл меня Серган. Впрочем, происхождение не важно. Важно то, что желающий поведать окружающим о своём мире вынужден втискивать его в принятые у нас форматы и рамки. Выбросить из текста

лишнее, придерживаться композиционных правил, обязательно показать развитие характера главного героя, сделать сюжет увлекательным, а концовку неожиданной. И новая, полная открытий вселенная сжимается, тускнеет, подстриженная и прилизанная со всех сторон, перестаёт быть той самой очаровательной и первозданной, искренней и живой, перестаёт тревожить струны души. При усердии и доле везения из такой трансформации может что-то выйти, некий не лишённый изящества и новизны продукт, который прочтут, оценят, но от мира изначального его будет отделять пропасть.

А если не играть по правилам? Потратить десятки страниц на описание всякой трогательной ерунды, главного героя оставить в своём болоте, не заставляя его меняться характером? Ну, тогда получится графомания, которую никто не захочет читать. С этим трудно не согласиться. Однако что скажут почтенные критики, когда вместо сотен или тысяч гипотетических читателей найдётся всего один, но идеальный, который поймёт, прочувствует, который окажется на одной резонансной волне с автором. Может быть, смысл творчества в этом – найти себе подобного, сумасшедшего с тем же диагнозом?»

Впрочем, что скажут критики, легко догадаться. Как ты собрался искать своего идеального читателя? Наверное, для этого нужно растиражировать своё произведение, не так ли? Ежели так, то изволь, господин писатель, играть по принятым у нас правилам!

Илья понял, что не справился даже с виртуальной речью подзащитного. Силы покинули его, мысли подёрнулись туманом, и он уснул, раз за разом повторяя про себя: «Пожалуйста, не убивайте наши миры!»

Первые дни после конвента Илья держался. Ведомый мрачной решимостью, он разместил свою повесть на десятке различных литпорталов и отослал рукопись в несколько издательств, поставив на этом точку в литературных изысканиях. Он отдавал много сил работе, приходил уставшим и, завалившись на кровать, спал без сновидений. Повседневная жизнь, серая, унылая, но привычная, едва начала входить в свою колею, как вдруг Илью подкосила простуда и он слёг с соплями и температурой. В этом состоянии, так напоминающем ту самую памятную болезнь в детстве, ему снова привиделся Серган. Во сне он встретился с Эурикой. Это... была последняя их встреча.

– Ты пришёл. Я так рада. – Тонкие обескровленные губы Эурики задрожали, глаза в ореоле тёмных кругов заблестели от слёз.

Илья упал перед ней на колени.

– Я... Я не смог ничего сделать для тебя. Всю жизнь старался, и не получилось. Я желал хотя бы рассказать людям историю вашего мира, но не смог и этого.

– Не кори себя. Ты пытался. Это многое значит. Ни один человек на свете не сделал для меня большего.

– Боже, как я хочу тебя обнять.

– Я тоже, Ил. Я люблю тебя. И хочу попросить...

Он догадался, прошептал едва слышно:

– Да?

– Проводи меня. Мне хочется уснуть там, среди моего народа.

Илья протяжно вздохнул.

– Мы пойдём прямо сейчас?

Она кивнула.

– Моё время пришло уже давно, но я тянула, ждала тебя, надеялась увидеть в последний раз. И вот дождалась...

Путь дался нелегко. Эурика шла, тяжело опираясь на трость. Илья ковылял рядом и бессильно скрипел зубами от невозможности дать ей опору и облегчить путь. Ночь вступала в свои права, зажигая наверху россыпи мерцающих звёзд, выгоняя из-за горизонта две маленькие серганские луны, но Илье было не до небесных красот. Он следил за неуверенными движениями женщины, в которую был когда-то влюблён, и не мог сказать ни слова. В молчании прошла вся дорога, показавшаяся Илье бесконечной. Наконец, они взобрались на последний холм, за которым открылось раскинувшееся среди руин бескрайнее поле кристаллцвета. Илья не сдержал потрясённый возглас.

– Ох ё! – Он заворожённо глядел на бледно мерцающие огни. – Это похоже на инопланетное вторжение!

– Нет никакого вторжения. – Эурика принялась отстёгивать дыхательную маску. – Кристаллцвет не растёт в почве сам по себе. Для развития ему нужна органика.

Она закашлялась, достала флягу, допила из неё последнюю воду.

– Вблизи это тяжёлое зрелище... пока видны... оболочки. И если ты хочешь остаться...

– Нет, – решительно произнёс Илья. – Пойдём.

Они пошли. Пустая фляга и дыхательная маска остались лежать на песке.

Кладбище впечатляло. Эурика объяснила, что зародилось оно в сердце старого города, а потом просто потянулось вширь во все стороны. Вначале покойных хоронили – традиции погребения Сергана были похожи на земные – в скверах и парках города. Вырастающие из земли побеги кристаллцвета заменяли засохшие деревья и цветы. И так же, как с обычных растений, с них собирали кристаллики-семена, чтобы когда придёт час, использовать их для себя и своих близких – так распространялся кристаллцвет. После череды землетрясений на погребение уже не тратили время и силы. Всё чаще проводить в последний путь умирающего было банально некому. И тела с тех пор просто лежали среди руин, благо кристаллцвет не давал шанса разложению и гниению. С телами происходил процесс, схожий с мумификацией. Затем пыль и песок скрывали усопших, но по фронтиру кладбища время ещё не успело наложить свой саван. Илья видел трупы, из которых тянулись изогнутые полупрозрачные побеги, слабо блестящие голубым в лучах встающих серганских лун. Самый толстый стебель, увенчанный темноватой шишечкой, шёл из черепа. От этой картины ему стало дурно.

– Потерпи... моё место будет... в сторонке, – сообщила Эурика с тяжёлой одышкой.

Спустя пять минут она без сил опустилась в ложбинке между двумя дюнами. До ближайших «соседей» было десятка три шагов.

– Вот и всё, – выдохнула Эурика тихо.

Илья сел рядом, осознав, что по его щекам текут слёзы.

– Не плачь, мой рыцарь, мой призрак. Я верю, что проснусь. Проснусь в лучшем мире.

Она легла навзничь и будто бы съёжилась, уменьшилась в размерах, как надувная игрушка, из которой выпустили воздух. На лбу выступили то ли бисеринки пота, то ли кристаллики прорастающего изнутри растения.

– Прочти мне что-нибудь... – попросила Эурика едва слышно.

Илья растерялся:

– Я не знаю...

– Пожалуйста. Любое. – Её рука попыталась коснуться его руки, естественно, прошла насквозь.

Илья сделал глубокий вдох, лихорадочно перебирая в голове стихи, и неожиданно вспомнил одну зацепившую его полгода назад песню. Он сосредоточился и начал...

*Я забываю звёзд твоих холодный свет,
Мой Вавилон.
Всё тише звон моих неведомых планет,
Лишь тьма со всех сторон.
Я проклинаю блеск твоих голодных глаз,
Мой океан.
Пусть мой маяк давно разрушен и погас.
Сирены плач развеет утренний туман.
Прервётся нить,
Сравниет выбор между «быть» или «не быть».
И по колению в пепле дней
Прошедших лет
В чертогах снежной королевы
Мы собираем слово «вечность»
Из камней. Надежды нет.
Мы потеряли след...¹*

Пока он нараспев читал стихи, Эурика закрыла глаза. Её дыхание стало тихим и спокойным. Потом замедлилось. И, наконец, через какое-то время грудь дрогнула в последний раз.

Ил понял, что остался один. Он поднял глаза к россыпям непривычных серганских созвездий и закричал...

Вот после этого Илью накрыло депрессией с головой. Он долго не мог одолеть болезнь, мучился от бессонницы, отсутствия аппетита. От состояния чёрной тоски его не могли отвлечь ни книги, ни фильмы, ни интернет. Настоящих друзей у него не было, со знакомыми не хотелось общаться. По счастью, ума хватило не подсесть на стакан, впрочем сильно к алкоголю и не тянуло. Илья медленно дрейфовал в океане тоски и душевной боли. Выздоровление и выход с больничного не сильно добавили позитива, но благодаря работе Илья хотя бы чем-то был занят. Особо любопытным коллегам, интересующимся причиной его состояния, он сказал, в общем-то, правду – у него погибла невеста. При продолжении расспросов, он мог бы рассказать, что она была из другого города и последнее время они общались только по Сети, но наглецов, пожелавших залезть в душу поглубже, к счастью, не нашлось. Незанятый же досуг долго оставался проблемой, пока Илья не обратился к компьютерным играм. Морские стратегии под пиво стали его персональным лекарством. Так проходили дни, складываясь в недели и месяцы. Боль притупилась, но всё ещё была рефреном

¹ Автор текста – Корвин Кориэль.

существования. Три или четыре раза Илья снился Серган, а именно поле кристалцвета. Эти видения не имели прежней яркости и больше напоминали сумбурные ужасики, в которых он хотел завладеть плодом, хранящим сознание Эурики, но кристалцвет в образе монстра раз за разом ловил его своими щупальцами и душил, душил...

Письмо с приглашением на выставку Илья едва не отправил в «корзину». Передумал в последний момент, открыл, лениво кликнув мышкой, увидел три прикрепленные фото с какими-то репродукциями, прочёл текст, информирующий о двухдневной питерской выставке художницы Ирины Кресс. Такие вещи интересовали его мало, но фото он всё же открыл. И обмер. На одном из рисунков было изображено тянущееся до самого горизонта поле огней кристалцвета. Ничем иным это не могло быть. Илья забил в поиск имя художницы и без проблем нашёл авторский сайт, где на главной странице на него глянула русоволосая голубоглазая девушка в изящной шляпке. По данным с сайта, она была младше его на семь лет, родом из маленького сибирского городка, осевшая в таком же провинциальном городке, но в Ленинградской области. Работала в местной газете, потом в типографии, потом ещё где-то. Рисование было её хобби, но таким, без которого она не мыслила жизнь. И, при взгляде на её работы, становилось понятно, что время на увлечение тратится не зря. Ирина Кресс была, несомненно, талантлива. Вот только темы... Обычно девушки не рисуют постапокалиптику.

Илья вдруг нахмурился, затем выругался. В течение своей затянувшейся депрессии он хоть и эпизодически, но проверял почту. Видел отказы от издательств, видел редкие уведомления о комментариях к своей повести. Но сами сайты не посещал. Возможно, зря.

Илья отыскал нужную запись спустя десять минут.

«Под впечатлением от вашей повести. Я рисую, и мне близка эта тематика. Ирина». И e-mail для связи. Дата стояла двухмесячной давности.

Илья в задумчивости потянулся к пиву, передумал, пошёл на кухню готовить кофе. В голове вертелось: «Она написала картину по моей повести!» С дымящейся чашкой он сел напротив окна и стал наблюдать, как ветер срывает последние листья с деревьев. Осень заканчивалась, а Илья даже не заметил, была ли она. «Интересно, а в Питере уже снег?» – подумал он. Допил кофе и полез посмотреть прогноз погоды. А после прогноза расписание поездов и доступные гостиницы...

Картины были разные, но большую часть экспозиции занимала постапокалиптическая тема. Брошенные города, рухнувшие небоскрёбы, ржавеющие на отмелях корабли, засыпанные песком рельсы... И в каждой работе неотъемлемым элементом был он – гибкий прозрачный узор кристалцвета. Главная картина размерами примерно два на полтора метра висела в глубине зала. Илья подошёл к ней. Это был тот самый холст, фото которого привлекло его внимание в письме. Косой свет лимонно-жёлтого солнца, выглядывающего между острых зубцов незнакомых гор, и кусты кристалцвета среди голубоватых валунов. Кладбище, тянущееся до горизонта. В своих снах он помнил могильник цивилизации Сергана иным, но автор, понятное дело, имел своё видение, да и могильников там, конечно, имелось множество. Зато кристалцвет был именно такой, без сомнений.

Илья стоял и смотрел, думая о себе, своей жизни и жизни Эурики. Ещё он размышлял о том, как выразить благодарность художнику, которая под впечатлением от его повести создала такой шедевр.

Ирина подошла бесшумно, остановилась рядом, поздоровалась. Она оказалась ниже его на голову, стройная блондинка, одетая в строгое чёрное платье длиной до щиколоток.

– Великолепная картина! – сказал Илья. – Спасибо вам. И от меня, и от всего Сергана, наверное.

– Пожалуйста, – негромко отозвалась девушка. – Только это не Серган. – Голос её, мелодичный и мягкий, дрогнул. – Это Хауранг. И там, – она указала на холст, – не ваша Эурика. Там лежит мой Рикрист.

Она замолчала. Он тоже не смог произнести ни слова, ноги стали ватные, к горлу подступил комок, бессвязные мысли безумным хороводом кружились в голове. Они стояли перед неземным траурным пейзажем, словно в коконе иной реальности. Где-то за окном падал снег, в зале перемещались редкие посетители выставки, люди-тени. Ирина подняла голову и, глядя в глаза Ильи, сказала:

– Мы больше не призраки.

И взяла его за руку.